

Дважды рождённый

■ ЛЮДМИЛА ДУБАНОВА

...Фашистский самолет своим крылом разрубил Ил-2 пополам. В 600 метрах от земли отдельно закружился-завертелся отсек с воздушным стрелком, отдельно - кабина с летчиком, отдельно - отвалившийся от удара хвост Ила. Летчик успел крикнуть стрелку по внутренней, еще действующей связи: «Прыгай!». Над окрестностями чешского города Оломоуц сиял ясный весенний день 8 мая 1945 года...

Сержант

Великая Отечественная для ульяновского паренька Саша Биткина началась гораздо раньше, чем для многих его друзей. В первые же дни войны на фронт забрали отца, которому исполнился 41 год. В семье, кроме матери, осталось еще четверо: 16-летний Саша, его брат, младше на четыре года, и две сестренки. Поволжье особой-то сыгостью никогда не отличалось, а как жили-были в войну, лучше спросить у тех, кто еще остался на этом свете. Если бы не корова на подворье Биткиных... Год (до 42-го) протянув на материнской шее, Саша решил пойти на фронт добровольцем - может, мать хоть троих сможет выгнать... В 17 лет 4 месяца пришел в Ленинский райвоенкомат, написал заявление - желаю, мол, на войну. Мать не возражала.

Только что окончившего девятилетку Сашу Биткина зачислили в Ульяновское общевоинское командное училище (для современной ориентировки - старинное красное здание на ул. Гагарина, Ульяновское высшее училище гражданской авиации). Восемь месяцев ускоренной учебы (по 12 часов), полное гособеспечение: одежда, обувь, питание - фронту нужны были солдаты. И здесь, разумеется, в училище офицеров...

Войне - конец!

«Словно Мамай прошел», - констатирует Александр Иванович.

Наступила маленькая передышка. Подъехали полевые кухни: горячая каша - гречневая, овсяная, пшенная. Суп из незнакомо чего. Об американских консервах осталось лишь воспоминание...

Еще триста километров по начинающейся осени и - Брянск. Впрочем, легко писать: еще 300 км... Спросите 9 Мая (если встретите на своем пути любого бывшего нехотинца, что означает под пулями, бомбами и снарядами отметить эти самые 300 км. С «Максимом». С боеприпасами. В «Максима» почти 40 кг; в Саше Биткине - 50... 30 - 40 км в сутки. Прогуляйтесь как-нибудь на досуге с 40 кг груза, например до Ишеевки. Без визга пуль. Без грохота снарядов. Без фашистских самолетов над головой...

Потянулась вереница госпиталей. Тула, Дзержинск, Горький - раздробленная стопа упрямо не заживала. Почти полгода Саша Биткин «висел» между фронтом и тылом. Но недаром фронтовики вспоминают, что в военных госпиталях врачи и медсестры делали чудеса. Чудесным образом стал наступать на правую ногу и Саша. А тут - «оказия»: приехал в Горький представитель штаба авиации - для штурмовиков Ил-2 срочно понадобились воздушные стрелки. Разобравшись к 1943 году, что бронированные Ил-2 фашисты легко сбивали только лишь из-за того, что в самолете был один летчик, который, при всем желании, не мог, ведя бой, углядеть еще и за хвостом, конструкторы нашли решение: посадить спиной к летчику смотрящего в обратную сторону воздушного стрелка-пулеметчика.

Саша Биткин успешно прошел все медкомиссии. «При чем тут нога, - сердится на мой вопрос Александр Иванович. - Она стрелку меньше всего нужна, а зрение и здоровье у меня были отличные!».

Воздушный стрелок

Четыре месяца учебы на курсах воздушных стрелков в Троицке Челябинской области пролетели как один день. «Максим» и новый пулемет для Ил-2 хоть и отличались, но не настолько, чтобы Биткин запутался в технических премудростях.

1944 год Александр встретил в Польше - пока он скитался по госпиталям и изучал новую воинскую специальность, наши войска победно шли по Европе.

18-летнему воздушному стрелку неумеренно повезло: попал в экипаж к летчику Юше Подоинцеву, который окончил Ульяновскую летную школу

Дружки особой у воздушных асов с поляками не было, но и вражды - тоже. Польские девушки на серьезные отношения Александра не вдохновляли: танцульки, легкие ухаживания - да, были, но все остальное воздушный стрелок откладывал до возвращения на Родину.

Чистенькие, ухоженные, с цветками на окнах и под окнами, европейские домики Сашу так и не тронули:

- Все какое-то кукольное, слишком вылизанное - другое дело у нас: размах, простор, воля, беспыльность! Ня за что не смог бы жить в таком городке - очень уж все скучно и предсказуемо... Краков, конечно, красивейший, прекрасный город - мы там чуть не полмесяца стояли, облизали все дворцы и музеи, но все равно наш Ленинград лучше.

Награды

В 44-м Александр Биткин получил за сорок боевых вылетов первый орден - Красной Звезды. Командир эскадрильи, вручая орден воздушному стрелку, пожелал дальнейших счастливых вылетов и посадок. Как и командиру экипажа, летчику Геннадию Подоинцеву, тому самому земляку Биткина, вместе с которыми они и совершили все эти 40 боевых вылетов.

Фронт продвигался дальше, и вместе с ним менялись места дислокации эскадрильи самолетов-штурмовиков Ил-2. Несколько раз Биткин и Подоинцев летали на боевые задания над концлагерями.

- Людей там уже не было, но я хорошо видел своими глазами эти леги, огромные бараки, колючую проволоку...

В мае 1945 года приблизились к Чехословакии: штурмовики стали совершать боевые вылеты в окрестности Праги, города Оломоуц. К тому времени сержант Александр Биткин сделал уже

столько за кольцо парашюта: земля была в нескольких метрах. Приземлился прямо на центральную площадь Оломоуца. Со всех сторон бегут люди - обнимают меня, целуют, парашют складывают... Посадили на «виллис», поехали смотреть место, где упал наш самолет. Нашли польхающую огнем кабину летчика. Юша остался внутри - не сумел выпрыгнуть...

Днями позже я снова приехал на это место: леюший парашют и пепел - то, что осталось от Юши Подоинцева. До сих пор жалею, что не додумался горсточку пепла отирывать тогда Юшиным родителям. Глухой был, несмотря на боевые вылеты, на ордена... Чего там - мне ведь всего 20 было в 45-м...

А немецкий истребитель весь в зем-

Саша с родителями.

И хотя готовили в училище офицеров, Саше стать им так и не довелось. В ночь перед выпускными экзаменами пришел приказ: срочно всю школу этапом на железнодорожный вокзал и - фронт. Вместо офицерских погонов выдали сержантские, и в эшелоне, в «телячьих» вагоны, на Орловско-Курскую дугу. Так, более 500 свеженеспеченных сержантов из Ульяновского общевоинского 3 августа 1943 года отправились на настоящую войну.

Шинель

- Честно говорю: не было никакого страха, один патриотизм - мы очень любили Родину. Не только не боялись - но просто рвались на фронт: никакой паники, никаких «а вдруг убьют», «мне 18 - жить хочу»... Если я добровольцем сам пошел - как мог я сомневаться в себе, в друзьях? Родина - это для нас было не громкое, а самое обчное слово: отец уже второй год воевал за Родину (за меня, за мать, за брата, за сестер), и я пошел за этим же.

Нигде не бывавший дальше Ульяновска, Саша Биткин с интересом глядялся в ту самую Родину, которая и позвала защитить ее. Как и все, жевал сухой паек - в основном американские консервы.

- Между прочим, очень вкусные - у нас и сейчас нет таких. Откроешь квадратную банку, нарежешь, как колбасу, положишь на хлеб: сытно и вкусно.

Пейзаж менялся на глазах, а когда 5 августа подъехали к Орлу, где молодых сержантов выгрузили прямо в поле, они увидели серую дымку - недалеке жарко горел Орел, который им предстояло освободить от фашистов.

Началась жизнь в окопах.

- Дождь идет, шинель мокрая, дрожишь, как пенек... Спать ложились - сначала надо костер разжечь: земля нагреется, ляжешь на это теплое место, шинелью накроешься - славно! Без шинели на фронте не выжить: она и одеяло, и подушка, и перина, и одежда... Нас под Орлом тысячи было, и все - так...

- А где умывались, мылись?

- А никто не умывался и не мылся - фронт в двух шагах, какая гигиена?!

Пехотинец

По команде «Вперед!» рванули из окопов на Орел. Саша Биткин был одним из троих в пулеметном расчете того самого «Максима», восстего еще в Гражданскую войну. В атаку бежали так: двое ташат тяжеленный «Максим», третий прет патроны.

Орел освободили: все разбито, разрушено, на месте домов - одни трубы. Запах пожарищ и сгоревших трупов...

У нас, стрелков, сиденья были, как гамаки, - во время выхода из пике оно оборвалось, мне пришлось встать за пулемет на коленки. Когда на аэродром вернулись, коленки дрожат - не от страха, от дурацкой позы в полете, ребята хохочут...

А они, наши отцы и деды, шли. Перли на себе железо. Стирали в кровь ноги в кирзовых сапогах. Ели незнамо какой суп. Спали в земле. И опять шли. До Победы шли. За нас с вами шли...

Ранение

Река Десна встретила неласково - видимо, тоже устала от понтонных мостов, от лодок, от орущих людей, от выстрелов, трупов, крови. Но ее надо было форсировать!

Пулеметчика Биткина еще до реки ахнуло снарядом прямо в правую стопу: кости - вдребезги, а вокруг - тишина. Наступление никто не прерывал из-за таких раненых или погибших биткиных...

- Я только теперь понимаю, что такое были на войне наши девчонки-медсестры. Никого же не пропускали: глядявались - ранен ли, убит ли. Так

Канун 60-летия Победы.

и меня подобрали. Сапог полон крови. Разрезали. Отбросили. Перевязали. Это было 17 сентября 1943 года... Полтора месяцев на фронте в пехоте не продержался... Хоть вой от обиды, а без правой действующей ноги - куда?!

(для современной ориентировки - здание автомеханического техникума на берегу Свяги).

- Очень запомнился первый боевой вылет. Одно дело - изучить в Троицке пулемет, другое - у нас не было ни одного пулемета. До войны, как понимаете, я тоже ни разу в воздух не поднимался: что такое корова - знал хорошо, что такое самолет - не представлял.

Так вот: летим, смотрю - какие-то белые шапки, как облака, вокруг нас. Думаю: вот красота! Это уж потом, на земле, Гоша объяснил, что это - не красота, а разрывы зениток: по нам палили.

Но это я на земле узнал, а ведь о бое замахнулся рассказать. Прежде всего, чем определяется, что подлетаем к линии фронта? Не поверите, каким-то особым горелым запахом! Потом Илья встают в круг, начинают пикировать: летчик стреляет, сбрасывает бомбы, а я сзади отвечаю за сохранность самолета. Когда он из пике выходит, начинается моя работа: по окнам, по немцам, по их самолетам, если сумели зайти в хвост.

В тот первый вылет случился конфуз. У нас, стрелков, сиденья были, как гамаки, - во время выхода из пике оно оборвалось, мне пришлось встать за пулемет на коленки. Когда на аэродром вернулись, коленки дрожат - не от страха, от дурацкой позы в полете, - ребята хохочут...

Штрихи Европы

Несколько штрихов быта войны наших воинов в Европе. Военные аэродромы были удалены от линии фронта на 100 - 200 км, следовательно, не было нужды в окопах, землянках - жили то в брошенных местных жителями домах, то - в самых натуральных (тоже брошенных) дворцах... Кормили летный состав, по словам Александра Ивановича Биткина, прекрасно, по первой норме: первое, второе, третье плюс обязательный шоколад - чтобы голова в воздухе не кружилась.

сержант Александр Биткин сделал уже около 70 боевых вылетов, за что был удостоен второй, самой главной для рядового состава награды - ордена Славы. Несколько раз немцы ухитрились подбить их самолет, но экипаж неизменно достигал до своего аэродрома. Это - они, однако в эскадрилью практически ежедневно не возвращались один - два штурмовика:

- Лежишь ночью, долго заснуть не можешь: чья очередь завтра? Все равно ведь кого-нибудь собьют... Страх, конечно, после 70 вылетов не было, а вот опаска, что именно тебя - была...

Последний бой

- Война, - рассказывает Александр Иванович, - закончилась в основном 2 мая 45-го. А вот в Чехословакии немецкая группировка билась с нами до самого 8 мая. Восьмого мая у нас с Гошей был последний боевой вылет: полетели в 11 утра - солнечно, тепло по-летнему.

Бой завязался над городом Оломоуц... Там фашистский истребитель и разорбил наш Ил пополам, врезавшись в штурмовик крылом. Гоша кричит: «Саша, прыгай!», а я ничего не пойму - почему бешено куваркаюсь в воздухе?! Почем шел на секунды, потому что до земли - всего 600 метров. А тогда казалось - время остановилось... Дергаю ручку

Сержант-выпускник.

кабины - не открывается, заклинило от удара. Тогда решаю прыгать прямо в дробину, сделанную крылом фашиста. До сих пор не знаю, как сообразил дер-

лю ушел: от немецкого летчика голова только осталась, а возле - скаल्प с волосами: такой силы удар был...

8 мая в 12 часов ночи был подписан акт о капитуляции Германии, а 9 мая мы в Оломоуце праздновали Победу. Но до сих пор отмечаю 8 мая - свой второй день рождения - ведь наш вылет в 11 часов того дня был самым последним боевым вылетом в эскадрилье.

Топограф

После окончания войны Александр Биткин прослужил в армии еще шесть лет. В родной дом 26-летний сержант вернулся лишь в 1951-м. Надо было учиться жить мирной жизнью. Поступил в Ульяновский филиал Московского геодезического техникума на курсы топографов. Двенадцать лет ездил по всей стране в составе экспедиций, занимающихся составлением топографических карт. Реки, горы, тайга, пустыня - много чего увидел и узнал о спасенной им Родине топограф Биткин. В 1964 году окончательно вернулся в родной город, устроился инженером-геодезистом в «Ульяновскэнерго», где занялся работами по установке высоковольтных линий, подстанций.

- Тысячи километров пешочком прошагал с теодолитом по нашей области: где колышек поставлю, значит, там встанет будущая опора. Двадцать лет трудился я так...

Но все же...

Вместе с женой, тоже топографом, умершей, к сожалению, семь лет назад, Биткины вырастили троих сыновей и дочь. Один сын прошел Афганистан, другой - Чечню; младший, тоже Саша, 36-летний подполковник, к печали отца, глупо погиб в прошлом году: умер во сне...

Сейчас Александр Иванович Биткин, которому в год 60-летия Победы исполняется 80, счастливо живет со второй супругой, занимается общественной работой, выступает перед школьниками. «На диване належусь на том свете», - улыбается бывший воздушный стрелок.

Радуют дети, шестеро внучат, правнук... Одно только тихо раздражает Александра Ивановича: есть среди внучат Дима, Макс, Антон; правнук - Роман почему-то, а вот Сашей никто не думался назвать представителя будущей России.

- Если честно, очень бы хотелось, чтобы лет через 20, когда меня уже не будет, по нашей земле все равно бы бегал Сашка Биткин. Другой, конечно, не я - но все же...